

Все снова стали поучать и утешать, а затем разошлись по домам, оставив семью Сюй разбираться с их делами.

Когда все ушли, семья Сюй заметила Ань Тун у дверей.

Сюй Сянжу спросила:

— Ты уже здорова?

Ань Тун засмеялась:

— Со мной всё в порядке, это был просто случайность!

Сюй Сянжу кивнула:

— Хорошо, что всё обошлось, иначе...

Ань Тун подошла ближе, любопытствуя:

— Иначе что?

— Иначе мне было бы совестно.

Ань Тун почесала затылок:

— Странно слышать такое от тебя!

Сюй Сянжу не стала спорить и спросила:

— Почему ты не осталась дома подольше отдохнуть и снова пришла?

— Ах, сегодня я видела, что твой отец, кажется, хотел мне что-то сказать. Я подумала, что вам, возможно, не хватает денег, и принесла их!

Сюй Сянжу ответила:

— Всё уже собрали, не беспокойся, младшая госпожа Ань.

Ань Тун сразу надулась:

— Почему вы берёте деньги у других, а мои не хотите?

Сюй Сань, который всё это время прятался в комнате, услышал голос Ань Тун, и он звучал для него как музыка! Он думал, что даже если соседи дадут деньги, это будет всего тридцать три гуаня, а до нужной суммы ещё далеко! Но с приходом Ань Тун все проблемы решатся!

Он выбежал наружу, на лице его была подобострастная улыбка:

— Возьмём, возьмём! Деньги от младшей госпожи Ань, конечно, возьмём!

— ...

Сюй Сянжу нахмурилась, но промолчала.

— Младшая госпожа, сейчас нам не хватает тридцати гуаней, как насчёт...

— Отец, нам не хватает всего десяти гуаней, — вмешалась Сюй Сянжу.

Сюй Сань сердито посмотрел на неё:

— Как ты считаешь? Нам не хватает семнадцати гуаней!

Заметив насмешливый взгляд Ань Тун, он смутился. Но если бы он отступил из-за этого, то не был бы Сюй Санем.

Он сделал жалобное лицо:

— Эти деньги — всё, что осталось у семьи Сюй, даже приданое Сянжу входит в эту сумму. Сянжу уже девятнадцать, а большинство девушек выходят замуж в пятнадцать-шестнадцать. Сянжу же из-за отсутствия приданого задерживается. Мне, как отцу, очень стыдно! Я очень сожалею, если бы я не был таким никчёмным, они бы не страдали со мной!

Эти слова могли обмануть только госпожу Ван, которая всё ещё верила в него, но Ань Тун не поверила.

Ань Тун смотрела на Сюй Саня с сомнением, зная, что по крайней мере половина его слов — ложь. Но она также понимала, что семья Сюй, вероятно, действительно отдала всё, что у них было, включая приданое Сюй Сянжу, и теперь они в нищете. Как они будут жить дальше?

Хотя она и презирала Сюй Саня, она не могла смотреть на то, как Сюй Сянжу оказывается в таком положении.

Поэтому она достала двадцать ассигнаций и протянула их Сюй Сянжу:

— Возьмите это на крайний случай. Ведь если с ним что-то случится, вам с матерью будет не на кого опереться.

Под «опорой» она имела в виду не то, что Сюй Сань будет содержать семью, а то, что без мужчины в доме их легко могут обидеть.

Старушка Чжан и Шао Жу были хорошим примером — сколько бы добрых людей ни было в деревне Фуцю, некоторые всё равно смотрели на Шао Жу с вождедением. Если бы не справедливый староста Ань, который управлял делами деревни, Шао Жу давно бы стала лёгкой добычей.

Сюй Сянжу опустила глаза и не взяла деньги, но Сюй Сань, стоявший неподалёку, заволновался, подбежал, схватил деньги и, поблагодарив Ань Тун, скрылся в доме.

Через некоторое время Сюй Сянжу подняла глаза и спросила:

— Почему ты готова сделать так много?

— Что?

— Если бы я могла, то единственный, кому я не хотела бы быть обязанной, — это ты, — сказала Сюй Сянжу.

Все эти годы они с Ань Тун соперничали, и можно сказать, что их противостояние было равным. Несомненно, её происхождение было ниже, чем у Ань Тун, но только в этом она чувствовала себя с ней на равных.

У неё была своя гордость. Её гордость заключалась не в том, чтобы «не принимать подачек», а в том, чтобы сохранить последние остатки своего достоинства.

Но реальность была настолько суровой, что ей пришлось пройти через внутреннюю борьбу. Раньше семья Сюй тоже занимала деньги у семьи Ань, но это было другое, и Ань Тун не участвовала в этом.

Ань Тун не совсем понимала чувства Сюй Сянжу, но, кажется, уловила смысл её слов.

Сюй Сянжу спрашивала: Почему ты готова помочь мне настолько?

За последние полгода их сближение с Ань Тун происходило постепенно, и их общение не казалось натянутым. Раньше она иногда помогала немного, но сейчас, когда с семьёй Сюй случилась беда, Ань Тун сразу принесла деньги, что выходило за рамки их прежних отношений.

Ань Тун не считала, что Сюй Сянжу ведёт себя наигранно. Напротив, отбросив свои предубеждения, она поняла, что, возможно, именно поэтому автор выбрал её главной героиней книги.

Подумав, Ань Тун улыбнулась:

— Потому что я не хочу потерять тебя.

Сердце Сюй Сянжу ёкнуло.

На мгновение между ними повисла лёгкая атмосфера неловкости.

Ань Тун наклонила голову, чувствуя, что её слова прозвучали как-то не так. Но она действительно не хотела, чтобы из-за проблем семьи Сюй Сянжу уехала из деревни Фуцю, и не хотела потерять редкого друга.

К тому же Сюй Сянжу была главной героиней книги. Если она уйдёт из её поля зрения, и произойдёт что-то серьёзное, как она сможет помочь? Пусть хотя бы переживёт дату своей смерти из прошлой жизни.

Не подозревая, как её слова были восприняты Сюй Сянжу, Ань Тун сказала:

— Ладно, я пойду. Думаю, твой отец теперь получил урок и больше не поверит пустым обещаниям Цзян Чэнъяня. Долг деньгами легко вернуть, так что не переживай.

Четвёртый год эры Чэнкан, июнь, деревня Фуцю.

На горе Фуцю не умолкали цикады, добавляя жару и без того знойному лету. Иногда дул прохладный ветерок, но он едва приносил облегчение.

Сбор раннего риса был завершён, и жители деревни Фуцю отдыхали под большим деревом у храма Земли, наслаждаясь лёгким ветерком и приятной беседой.

Между тем власти требовали уплатить летний налог до июня. Каждая семья должна была заплатить пять монет за каждый му лучшей земли и четыре с четвертью монеты за му средней земли.

Налог на землю был невелик, но за обработку каждой семьи взималось сто монет, а также с

каждого дана риса изымалось один-два шэна для сдачи в общественный амбар. С учётом ежедневных расходов на обработку земли, за полгода крестьяне теряли около сорока процентов доходов, а оставшиеся шестьдесят должны были растянуть до конца года.

Многие уже заплатили, но несколько семей всё ещё тянули, и, к счастью, староста Ань был добрым человеком и заплатил за них, иначе им пришлось бы иметь дело с властями.

У старушки Чжан было немного земли, и благодаря её статусу как женщины и низшему классу, налог на землю был на восемьдесят процентов меньше.

Но даже так Шао Жу не могла копить деньги, ведь ей приходилось нанимать лекаря для лечения старушки.

Цзян Чэнъянь предлагал ей деньги, но она отказывалась, ведь их отношения были больше похожи на «тайную связь» и не имели официального статуса.

Она не хотела принимать милостыню от Цзян Чэнъяня, ведь её привлекала не его статус или богатство, а если бы их чистые чувства были запятнаны деньгами, она бы не смогла с этим смириться.

Но она не знала, что Цзян Чэнъянь тайно помогал старушке Чжан, и она думала, что это были её сбережения.

Старушка Чжан слушалась Цзян Чэнъяня и не рассказывала ей правду, ведь он не хотел, чтобы она чувствовала себя виноватой или беспокоилась о деньгах. По его мнению, она должна была жить, сияя и твёрдо придерживаясь своих убеждений.

Шао Жу, держа в руках несколько связок монет, собиралась пойти за лекарством, как услышала шум, доносящийся из дома Сюй. Она вспомнила, что за последние полгода Сюй Сань постоянно брал деньги у своей семьи, и это не прекращалось, ведь он накопил игорный долг.

Этот долг был как бездонная яма, и сколько бы госпожа Ван и её дочь ни старались заработать, продать имущество или занять у старосты Ань и соседей, они не могли его заполнить.

<http://bllate.org/book/16381/1482550>